

ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

ЖИЗНЬ И МНЕНИЯ ВАЛДАСА АДАМКУСА,

ПРЕЗИДЕНТА ЛИТВЫ

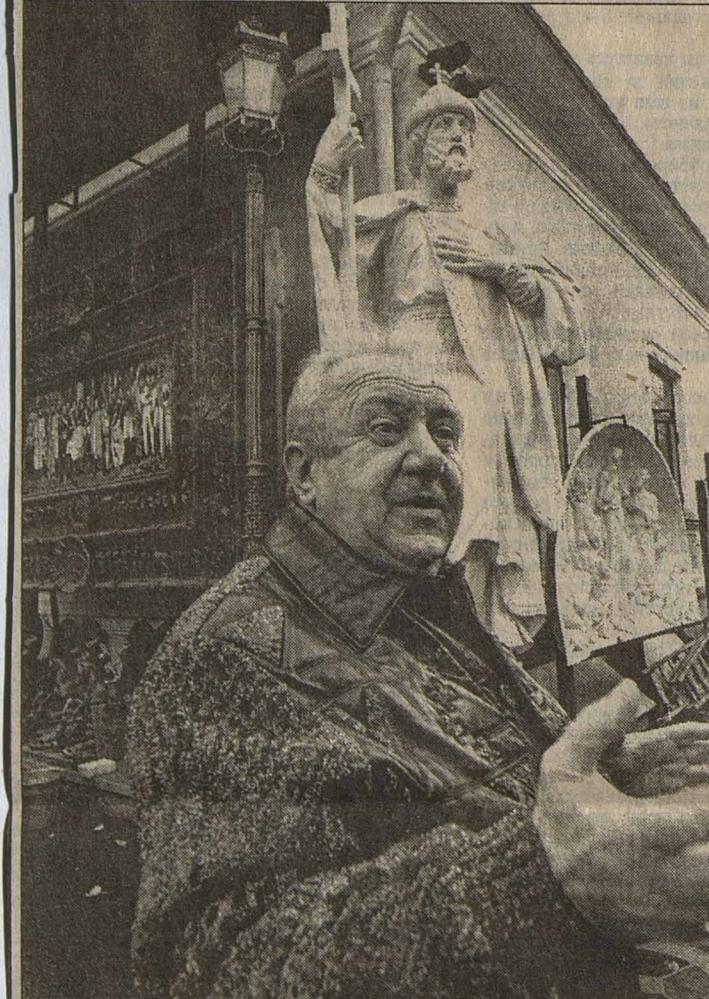
110 ЛЕТ НАЗАД РОДИЛСЯ

СОВЕТСКИЙ КОММУНАР НЕСТОР МАХНО

АКТИВНЫЙ ХУДОЖНИК

Я включил соцреализм в новый устав Академии художеств, говорит Зураб Церетели

Фото: А. Бакобидзе / TASS

За спиной Зураба Церетели фрагменты для внутреннего убранства храма Христа Спасителя. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Григорий Заславский

-3 УРАБ КОНСТАНТИНОВИЧ! Почему вы не продаете свои картины? Ведь так можно когда-нибудь просто утонуть под ними.

— Вы знаете, пока я не сделаю большую персональную выставку и пока я не сделаю свой музей — я работы продавать не буду. Я хочу подряд сделать выставки в разных местах, в разных государствах... Вот, допустим, у Пикассо работы приобрели в разных государствах, и в разных странах одновременно можно сделать его выставки. У нас такой культуры нет. Сейчас я как президент Российской академии художеств готовлю выставку российских художников, хочу сделать ее в разных местах одновременно — например, в Париже, Токио, Лондоне, США, Испании, Италии, чтобы вышли наши художники за границу. Если так не будет — не будут наши художники продаются, поскольку никого из них не будет знать.

Я иногда говорю, что художник — это трагическая личность. Он когда стоит и рисует, у него уникальные идеи рождаются и тут же умирают, и если бы через компьютер можно было записать то, что происходит у него в голове, мысли, которые у него появляются, были бы настоящий переворот. Я, безусловно, имел в виду хороших, талантливых художников.

— То есть вы не можете себя назвать счастливым художником? Поскольку, на ваш взгляд, художник онтологически не может быть счастливым.

— Художник, как вы хорошо знаете, аплодисменты получает редко. Когда музыкант играет

или поэт читает свои стихи со сцены, они чувствуют эмоции зала и слышат аплодисменты. Это поднимает тонус, нервные клетки уже не умирают — это очень хорошо вообще. А когда ты, художник, все отдаешь и тратишь больше энергии, чем дрижер или скрипач (тут зависит от того, какой подход у тебя к живописи), ты ничего не получаешь взамен, кроме ругани. И только когда художник уходит из жизни, он вдруг становится гигантом. Безусловно, художник — трагическая личность, а как еще сказать? И параллельно: если художник знает, что он гигант, это внутреннее счастье, потому что художники, если мы посмотрим их биографии, — они сильные люди. Сильны! Я был знаком с Пикассо, Шагалом, я дружил с Синейросом, встречался с Дали — это все сильнейшие были люди.

В моей жизни передо мной произошел, когда после окончания академии я попал в Пикассо в мастерскую и там понял, что, оказывается, художник-живописец может и делать скульптуру, и графику, и фарфор, и витражи, и мозаики. У Шагала, когда я приезжал к нему во Францию, я видел, что он делает и витражи, и мозаики — во дворе у него были мозаики огромные и мраморные скульптуры... А у нас что? Соцреализм! График должен быть графиком, живописец — живописцем...

— Или поэт читает свои стихи со сцены, они чувствуют эмоции зала и слышат аплодисменты. Это поднимает тонус, нервные клетки уже не умирают — это очень хорошо вообще. А когда ты, художник, все отдаешь и тратишь больше энергии, чем дрижер или скрипач (тут зависит от того, какой подход у тебя к живописи), ты ничего не получаешь взамен, кроме ругани. И только когда художник уходит из жизни, он вдруг становится гигантом. Безусловно, художник — трагическая личность, а как еще сказать? И параллельно: если художник знает, что он гигант, это внутреннее счастье, потому что художники, если мы посмотрим их биографии, — они сильные люди. Сильны! Я был знаком с Пикассо, Шагалом, я дружил с Синейросом, встречался с Дали — это все сильнейшие были люди.

В моей жизни передо мной произошел, когда после окончания академии я попал в Пикассо в мастерскую и там понял, что, оказывается, художник-живописец может и делать скульптуру, и графику, и фарфор, и витражи, и мозаики. У Шагала, когда я приезжал к нему во Францию, я видел, что он делает и витражи, и мозаики — во дворе у него были мозаики огромные и мраморные скульптуры... А у нас что? Соцреализм! График должен быть графиком, живописец — живописцем...

— Но Москву-то он не очень любил...

— Кто сказал? Вот интересно, кто сказал? Вы когда Конституцию учили здесь, мы в Грузии чинично смотрели на Конституцию. Наши педагоги преподавали нам русскую историю, грузинскую историю, историю царей, Колумба, чтобы ты тоже вырастал ищущим человеком. Вот такой дух был. И я счастлив, что попал в такой период, когда уникальнейшие художники, которых в России запретили жить, в Грузии толгали преподавали. Шухаев — такога рисовальщика в России сейчас тоже нет, Шебуев, Шарлеман, Лансере, Николадзе, Давид Карабадзе, Ахвледиани... Они все вернулись из-за границы, где получали образование. Вернулись на родину, но тут произошла революция, и в Центре нельзя было жить. Но в Грузии сохранили их... Это счастье было для меня, что я получил тогда грамотное образование. (Поворачивается к окну и показывает в сторону дворца, где стоит скульптура.) Вы «Историю России» видели? У меня такой литературный «пьедестал» сделан, и каждый царь представлен книгой — тем, что сделал он хорошего для своего народа. Кто создал эти книги? Цари. Это же важно для воспитания! А в Грузии я делаю структуру, подобную Акрополю, огромнейшую композицию — от Прометея и до наших дней. Языком пластики я рассказываю историю Грузии, а сама конкретизация смысловой науки — что когда было, по годам... Все в бронзе, и если что-то случится в жизни или в мире, это останется. И все писатели, и святые, и цари — все там свое место имеют — 25-метровые фи-

гуры. Все это я постепенно делаю, 17 лет, начав тогда еще, когда про царей нельзя было ничего сказать. И параллельно также продолжал работать над «Историей предков». Там у меня во дворе стоят... Хотя не должно во дворе стоять, это должно быть в парке, в сквере, где можно ходить вокруг — среди открытой истории. А то школу кончат люди, которые истории своей не знают! Сейчас это никого не интересует, все уже с детства занимаются коммерцией... Было время, когда все геологи учили, потом было мода на политехнические институты. А сейчас все дети у большинства учатся на экономических, финансовых факультетах...

— Новое конструктивное решение Манежной площади вы отставали, иногда теряя даже поддержку московского мэра. Вокруг говорили, что детский парк неуместен рядом с могилой Невзоровского солдата, с Красной площадью, где Мавзолей... Что вы думаете об этом сегодня?

— Раньше на Манежной площади бегали черные машины, оставляя грязь. А мы в центре создали такую структуру градостроительную, о которой мечтают во всем мире! Вы посмотрите: из Манежа выходишь с выставки — здесь среда, где можно сесть, посмотреть на Кремль, на «Националь», посмотреть на «Часы мира». Это же очень сложная конструкция, где все на компьютере сделано. Они огромные. Вы посмотрите — снег везде, а на стекле часов его нет!

— Почему же?

— Вот так! (Смеется.) Так я сделал. Потому что сделано профессионально! Спускаемся вниз

— там детское кафе, герои детских сказок, бутики. Целый день там человек может провести и получить хорошие эмоции, подняться, пообщаться с внуками. Это надо приветствовать!

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— А если бы я ему сказал, что за это я и 50 рублей не дал бы, он бы получил инфаркт и умер бы. Весь по глазам было видно, что он жуткий страшный. (Смеется.)

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

— Честно скажу, абсолютно не обращаю внимание на критику и людей, которые говорят, что я жуткий идиот... За это пятьдесят рублей не даешь. Но художник, наверное, был диссидентом... «О-о», — я сказал.

— Вы производите впечатление человека незлобивого и даже добродушного, вас ругают, а вы даже не считаете нужным отвечать. Как на самом деле вы воспринимаете критику своей работы на Манежной площади или на Поклонной горе?

АКТИВНЫЙ ХУДОЖНИК

(Окончание. Начало на стр. 9)

— А образ жестокого правителя вы решили проигнорировать? Он был вам неинтересен?

— Неинтересен. Это методика, приём. У Екатерины было другой образ. (Смеется.) Ты своих детей дома как воспитывать хочешь?

— У меня еще маленькая девочка.

— А когда будет большой, как ты будешь воспитывать? Будешь смотреть на ее характер? Если пойдет туда, где плохо, ты будешь жестоким или нет? Будешь слабым, ничего хорошего не получится, будет трагедия для тебя. Пересмотрим Библию, пересмотрим мудрость восточную. Всё время надо почувствовать тот характер, который перед тобой. Царь Петр вовремя почувствовал характер народа и нашел форму, как его поднять... Факт то, что он сделал. Самое же главное в жизни — факты. Никому неинтересно, что там за характер, какой у него характер, мне неинтересно. Ты руководили, чтобы народа были сплочены. Один раз рождаешься...

— У вас во дворе я с огромным интересом обнаружил небольшие скульптуры, которые, кажется, такие и задуманы. Почему бы в Москве не поставить несколько памятников человеческого роста, без постаментов, с которыми было бы вступать в нормальный диалог?

— Место диктует, пространство диктует, масштаб диктует. Надо приветствовать скульпторов, которые масштаб чувствуют. На Поклонной горе — огромное пространство, где необходима вертикаль. Она держит пространство. Это же своя философия, свое профессиональное мышление. Если там поставить маленькую скульптуру, кто-нибудь ее заметит? Надо маленькую скульптуру уметь там поставить, где ее замечать будут. Сделал я маленькие скульптуры на Манеже — «Четыре времени года» (это лошади), «Золотая рыбка», «Русалка» — это масштаб требовал. Про Петра все говорили — большой, большой... Пространство требует! 12 институтов работают! Если бы сделать маленького, тогда бы нападали все: почему маленьким сделали?!

Самое сложное — большую скульптуру создать. 45 метров скульптуры Колумба в Севилье, а вы посмотрите, как она выглядит, потому что огромные пространства. Вот Христос, который в Бразилии стоит, — 300 метров. Когда его только поставили, шум был — я архивы смотрел. А сейчас он держит город — Рио-де-Жанейро.

Я всегда участвовал в конкурсах. И на Поклонной горе, и на

Манеже. Весь этот архив у меня есть, я сейчас для себя даже хочу издать книгу «Конкурсные работы Зураба Церетели». И в любом конкурсе самое главное — поиски масштаба. Это очень сложная работа: по Петру искали 12 институтов, там все рассчитано. Я ночью через экран искал масштаб — поднималась осветительная лазерная структура через экран. Там до меня собирались поставить «Рабочего и колхозницу» Мухиной. В Москве есть несколько мест для монументального искусства, которые были Генпланом предусмотрены. Там должны были Мухину поставить после Парижа.

— Вы больше известны как художник-монументалист. Между тем все, кто побывал у вас в мастерской, восхищаются вашими живописными работами, натюрмортами. Почему вы все-таки не устраивали до сих пор выставок своей живописи? Что мешает вам пропагандировать свою живопись?

— Хороший вопрос. Всегда я участвовал в выставках, когда это были республиканские, всесоюзные выставки. Работал в Америке, преподавал там в Государственном университете изящных искусств. Собралась за год там сто работ, которые я студентам рисовал, обучая их. И была выставка. В рамках огромной Олимпиады искусств, которую проводил Фонд Кеннеди, и руководил ею Мухаммед Али. Я поставил две большие скульптуры — «Прометей» и «Счастье детям всего мира» и параллельно сделал персональную выставку «100 работ без продажи» — так ее называли.

Были у меня персональные выставки в Турции, в Португалии, во Франции. В одиннадцати государствах, где работал, всегда устраивал выставки, показывая все, что там рисовал. Маленькие выставки. В Москве я делаю выставку в Большом Манеже. Было бы хорошо в Большом Манеже, потому что все работы я не могу показать, но Малый Манеж дали, я делаю в Малом. Почему не сделан раньше? Могу сказать, что всему своему времени. Вот сейчас я не работаю, очень много времени уходит на подготовку выставки. А у меня страшная потребность работать и рисовать. Это тоже сыграло роль. Кроме этого, я критически отношусь к своим вещам. Я ищущий художник, который не смотрит, что нарисовал когда-то, чтобы получить, допустим, удовольствие. Я еще ищу, чтобы лучше и лучше работы делать. Может быть, это тоже сыграло роль. Так что вот

дали мне сейчас Малый Манеж, — пожалуйста, я делаю выставку. Если завтра скажут: даем Большой Манеж, сделай выставку, — я сделаю. Сейчас хорошие заявки у меня — Франция просит, Испания просит, Америка, сама собой, уже давно просит, японцы, китайцы, англичане, итальянцы, так что заявки у меня есть. Организация выставки очень много времени отнимает, но, на-верное, надо сделать выставку, чтобы народ знал. Но так меня воспитывали, что это саморекламой называлось раньше.

Еще раз хочу подчеркнуть характер мой как художника — во что я верю, то делаю. Что я чувствую, то и делаю. Никогда я не рисовал вождей, ничего подобного. Живопись моя, мой индивидуальный почерк, безусловно, сталкивались во времена социализма со сложностями. Поэтому параллельно с живописью я делал монументальные работы, которые были связаны с архитектурой. Интерьеры, фасад, решение среды — сельской, городской.

— Вы много ездили при советской власти. А как вообще вас тогда выпускали?

— Первый раз я поехал во Францию по прглашению. Тетя супруги пригласила нас, когда мы поженились. Она жила во Франции. Безусловно, она хотела свою племянницу увидеть, но в последний момент вдруг визу дали мне, а супруге не дали. Так что парадокс был, когда я приехал, они встречают — ее тетя и дядя — и видят, что выхожу только я из самолета. Но они интеллигентные люди и не показали, что расстроены, но я почувствовал, что им грустно, потому что супруга моя росла без родителей, которые

воздвством? Говорят, что еще в период вашей работы в Пицунде у вас уже была своя артель по изготовлению мозаики, хотя тогда никакой бизнес не поощрялся.

— (Смеется.) Дорого отливается или дешево — это надо забыть. У профессионалов нет такого вопроса. Мне наплевать, где дорого, где дешевле, я люблю здесь отливать. Потому что другой дух, другая обработка. Вот все, что я делаю здесь, сделано мастерами, которых я перебросил из Грузии, потому что там традиции хорошие.

У меня сейчас, как и тогда в Пицунде, своя мастерская, где я рождаю идеи и работаю. Вы видели мою мастерскую. В Пицунде у меня мастерская была — все окружающее пространство, сам объект. Смальту я получал от Гусь-Хрустального, где заказывали палитру, как все художники. И там же я выполнял работу. Так же в Ульяновске было, так же во время Олимпиады в Москве, где я был главным художником. Но я сам инициативный человек, поэтому если другие художники работали через комбинат, чтобы там им сделали шаблоны, и потом нужно только исполнить, у меня такой манеры не было. Я сам художник активный, я сам стою и с рабочими вместе работаю. Это специфика такая. Ломаю смальту, готовлю стену и прямо на стене рисую. В Пицунде, когда я стоял и работал на этой стене, когда я там мозаики делал, по вечерам заходили Герасимов, Тамара Макарова, Куликованов, Фурцева, которые тогда там отдыхали и наблюдали, как я стоял там и работал, и называли они меня гинекологом-негром. Почему? Я на черный цемент пигмент добавлял и работал. А

Зураб Церетели во дворе мастерской на фоне своих скульптур и «Линкольна». Фото Артема Чернова (НГ-фото)

погибли в 37-м году. И тетя хотела какое-то внимание ей уделять. Я боялся ехать, потому что бабушка повесила крест мне, а я очень любил бабушку, она была уникально грамотной женщины. Я так боялся, что вдруг у меня крест отнимут, ведь тогда носить крест было почти запрещено, а снять его я ни в коем случае не хотел. Вот такой был у меня комплекс. Но когда я проходил таможню, видно, у меня лицо было напряженное, потому что таможенник на меня смотрел и видел мое волнение. И видел, что я прижимаю руку к груди. Не знаю, что он почувствовал, но он улыбнулся и пропустил. Я после этого время помню лицо этого таможенника. Если я его увижу, то, безусловно, скажу со всей искренностью, как он мне благородно помог.

— А какой момент у вас появилась любовь ко всему большому, масштабному?

— Да само собой. Вот футболисты же все разные. Так же и художники — каждый открывается по-своему. Наш педагог старался учить нас, чтобы мы разными были. По-разному светит солнце утром, днем, вечером. И как ты можешь одинаково рисовать? Организм же меняется... Индивидуальность и развитие индивидуальности — вот эти тонкости они знали.

— А правда, что вы свои букеты рисуете сразу на несколько?

— Да, правда. Я же сказал уже, что я ищущий художник. Поэтому утром я передаю характер того или иного предмета иначе, чем после трех часов, когда все уже стало другим. Так что мне один и тот же предмет дает удовольствие, потому что я свет ишу, через свет и цвет делаю форму, — для меня это и есть искусство. Я не ищу обязательно разные мотивы, хотя и это, безусловно, тоже надо. Но когда у тебя перед глазами предмет, допустим, камень или что-то еще лежит, и ты можешь художественно его решить, ты идешь на это. Что такое художник? Он видит предмет такими глазами, какими обыкновенный человек его не может увидеть.

— Я брал интервью у Михаила Шемякина, и он рассказал, как однажды он хотел здесь открыть свою скульптуру, обратился на завод, и цепи оказались выше мировых. Чуть ли не на порядок. И еще он сказал, что, по его информации, за этими заводами стоит Церетели, у которого-то все возможности для изготовления своих монументов. Какие у вас отношения с прози-

вечером, когда спускался, то, безусловно, руки и все, кроме глаз, было черным. Я посмотрел на себя в зеркало и обалдел. Я ведь когда спускался, на себя не смотрел обычно, я убегал в море, окунался, выходил из воды уже чистым. А тут посмотрел и обалдел. Они посмотрели и пригласили меня тогда сделать Дом кино. Архитекторы выбрали близких по духу художников. Я работал потом с Полосхином, Полянским, Мезенцевым, который предложил мне тогда Ульяновск делать. Я испугался, что мне сейчас придется политические рисунки делать, а я не умею и не могу, это не мой дух. И предложил большой бассейн «Морской мир». Когда делал, я опиливали все засыпал сверху, чтобы не испортилось, и потом почистил так, что заблестело. В Ульяновске тогда Сакчалин был первым человеком. И, безусловно, спор у меня был с ним. И он мне доказывал, что нужна тематика вождя, революция идет, и так далее. А я говорил, что нельзя под водой революцию делать, что это позор... Мезенцев был блестящим архитектором, рисовалщиком, он автор Ульяновска. Но он уже не приезжал туда, и поэтому вся нагрузка на моей шее была. А я в чем уверен, то и делаю. И вот это теперь печатается, книги выпускаются с этими мозаиками на обложке. Так что я был прав! Я знаю, что будет послезавтра. Пример — Ульяновск. Сейчас все в восторге, что я так этот бассейн решил, не сделал там политической темы. Еще раз я благодарю своих педагогов, что дали ту интуицию, которую диктует природа, диктует архитектура.

— На недавних выборах новых членов Академии художеств вы, кажется, решили нарушить традицию, когда новые члены появлялись взамен ушедших. Чем это вызвано?

— Это не нарушение традиции, это не необходимость, которой в Академии должны руководствоваться. Талантливейшие люди были на улице в том смысле, что не выбирали их. В Академии были свой дух, свои отношения, идеи, все... Если надо назвать это нарушением традиции, давайте назовем так. Но это не нарушение. Эпоха социализма диктовала Академии идеологию, которая диктовалась и всем остальным, и это была Академия рабов, а не традиция. Традиция — то, что я сделал, восстановив Императорскую академию, которую создали Екатерина, воплотив мефетин Петра об Академии наук и Академии художеств. Академии художеств 240 лет. И социализм включил в тот новый устав, который мы создали и который сейчас в Кремле в Оружейной палате лежит, и народ смотрит, как восстановили Императорскую академию. Традицию нарушили мои предшественники в Академии. Они не могли продолжить Императорскую академию. Социализм, Суслов, идеология... Они уникальные люди, многие живы, грамотные, хорошие художники, но была диктатура. Между нами: что они могли сделать? Продолжали строить социализм. Поэтому в Академии не было многих хороших художников, мы выбрали их. Я выбрал и Глазунова, и Шилова, и Обросова. Почему? И Глазунов, и Шилов своего зрителя имеют. Вы посмотрите: выставка, и сколько народу стоит. Это не так просто свою персональную выставку сделать. Не так просто, чтобы народ стоял в очереди и хотел на нее попасть. Интересуются, так? А что? Я не хочу, чтобы у нас, как при социализме, было, — штамп, вот такое искусство! И портили зрителей. Нет, так нельзя. Каждый художник по-разному рисует, и мышление у всех разное. Разные вкусы и разные зрители. Как можно так, чтобы если сейчас импрессионизм, значит, все они должны любить, потом — соцреализм, все должны любить соцреализм? Почему? У Глазунова свои зрители, у Шилова — свои. История покажет свое потом. Дай ты дышать истории, чтобы история свое сказала.

Из-за сепаратистских настроений там шел откровенный зажим русских предпринимателей.

— Насколько вас изменила вынужденная отставка?

— В начале своей постминистрской карьеры я столь часто ошибался и так часто был — приличного аналога никак не подберешь — кинут, что стал предельно осторожен. Четко усвоил, что для того чтобы руководить крупной инвестиционной корпорацией, одногодичного изучения тонкостей баланса предприятия недостаточно. Как правило, на начальной стадии вникаю во все детали узакона президентом.

— Общеизвестно, что вы являетесь весьма заметной фигурой в движении за консолидацию предпринимателей. Чем, на ваш взгляд, отличается институт цивилизованного лоббирования от полублатного протекционизма?

— Цивилизованного лоббирования как такового в России практически нет. С некой натяжкой в качестве российской структуры, эффективно занимающейся классическим лоббированием, могу назвать Ассоциацию российских банков. Кстати, в последнее время нарастает тенденция не только объединения предпринимателей, но и делегирование своих людей во властные структуры.

— То есть представители среднего класса не мыслят классическим «наши речи за десять шагов не слышны»...

— Не спорю, что в России многие дискуссии по глубинным вопросам сводятся к выпукланию пара. Взять, скажем, Политический консультативный совет при президенте, членом которого я являюсь. Нет ощущения, что решения, формируемые нами в жарких дискуссиях, будут всерьез востребованы властью. Многие вещи, происходящие в России, можно назвать бессмыслицейной игрой. Который год правительство и Дума вовлечены в крайне циничную игру под условным названием «Принятие госбюджета»: одни рисуют нереальные доходы, а вторые их с готовностью расписывают по расходам. Порой, как вы догадываетесь, небескорыстно. Причем все знают, что этот бюджет на следующий же день после его принятия будет нарушен. В то же время я убежден в крайней необходимости любой консолидирующей деятельности, направленной на защиту интересов предпринимателей. Именно поэтому я много времени вовлечен в деятельность, которую можно условно назвать профсоюзной.

— Говоря о вашей общественной деятельности как о профсоюзной, вы тем самым подчеркиваете непрерывность консолидации предпринимателей по партийному признаку, не так ли? Именно поэтому не работаете с партией Борового?

— Не думаю, что партия Константина Наташани-

Из досье «НГ»
Андрей Алексеевич Нечаев родился 1953 г. в Москве. После окончания аспирантуры экономического факультета МГУ имени Ломоносова работал в системе Академии наук СССР. Доктор экономических наук. Один из идеологов и руководителей проведения экономической реформы в России. В 1991 г. — первый заместитель министра экономики и финансов РСФСР, в 1992–1993 гг. — министр экономики России, член Совета безопасности. С апреля 1993 г. — президент Российской финансовой корпорации

Олег Гименеев
БЮРЖАЛИСТСКОМ коллективе «НГ» — событие. 17 октября произошла свадьба наших друзей и коллег Светланы Ильиной и Ивана Родина. Читатель газеты хорошо знает эти имена. Светлана Ильина по образованию историк. Работала в московских музеях, в том числе в Музее истории древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Отсюда знание церковной истории, помогающее вести популярную рубрику «Седмицы». Как журналист Светлана начинала в «России» и в «Московских новостях», работала на ВГТРК. Детальное владение текущей общественно-политической тематикой и темперамент политического журналиста не мешают Светлане сохранять мирные женские увлечения: она играет на фортепиано, вышивает крестом, совершенствует французский. Наш парламентский корреспондент Иван Родин, несмотря на молодость, один из ветеранов редакции: он работает в газете с мая 1991 года. Начинал токарем на МРГЗ, отслужил армию. Был свидетелем и летописцем драматических событий сентября–октября 1993 года. Иван любит блуз и вообще музыку 60-х гг., знает толк в хороших коньяках. В среде думской журналистской братии, где Иван, разумеется, прекрасно известен, его женитьбу беззогочно называют событием года.

Возможно, этой свадьбы и не было бы, если бы не дефолт. В отделе политики кризис предсказывали давно, много писали об этом, а сразу после событий, 17 августа, засиделись в редакции допоздна: строили дальние прогнозы, говорили о политике, пили чай

Великие, но люди
ФИГУРЫ И ЛИЦА
Субботнее приложение к «Независимой газете»
Выходит два раза в месяц
Ответственный редактор Олег Давыдов
Над номером работали:
Олег Мраморнов, Владимир Халтурин, Екатерина Барабаш (ТВ), Антонина Крюкова (ТВ)
Корректоры:
Нина Гайдукова, Светлана Игнатова
Компьютерная верстка:
Дарина Турутекова, Надежда Романова, Константин Федулов
Иллюстрации:
Елена Уманская, Сергей Бомштейн
Телефон редакции
924-94-42
«Независимая газета»
«Фигуры и лица»